

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 2 части первой и части пятой статьи 108, части четвертой статьи 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Каримова Николая Николаевича

город Санкт-Петербург

30 июня 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, А.В.Коновалова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 2 части первой и части пятой статьи 108, части четвертой статьи 210 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Н.Н.Каримова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К.Б.Калиновского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Статья 108 УПК Российской Федерации предусматривает в части первой, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления, если иное не предусмотрено частями первой¹, первой² и второй данной статьи, при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. В исключительных случаях, согласно пункту 2 ее части первой, заключение под стражу может быть избрано в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести при наличии одного из обстоятельств, указанных в подпунктах «в» (если им нарушена ранее избранная мера пресечения) и «г» (если он скрылся от органов предварительного расследования или от суда) пункта 1 части первой данной статьи. Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается, как следует из ее части пятой, только в случае объявления его в международный и (или) межгосударственный розыск.

В соответствии с частью четвертой статьи 210 данного Кодекса при наличии оснований для избрания меры пресечения, предусмотренных его статьей 97, в отношении разыскиваемого обвиняемого может быть избрана мера пресечения, а в случаях, предусмотренных его статьей 108, в качестве меры пресечения может быть избрано заключение под стражу.

1.1. Конституционность этих законоположений оспаривает гражданин Н.Н.Каримов, обвиняемый по пункту «в» части второй статьи 115 УК Российской Федерации в умышленном причинении легкого вреда здоровью,

вызвавшего кратковременное расстройство здоровья, с применением оружия.

Постановлением Ленинского районного суда города Краснодара от 21 ноября 2024 года Н.Н.Каримову, находящемуся со 2 сентября 2024 года в межгосударственном розыске, без его участия в судебном заседании избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок два месяца со дня его задержания. С этим согласились вышестоящие суды (апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 10 декабря 2024 года, постановление судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2025 года, постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 20 марта 2025 года и письмо заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2025 года). При этом отвергнут довод стороны защиты о том, что данная мера пресечения – в силу части первой статьи 56 УК Российской Федерации и абзаца второго пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» – не могла быть применена, поскольку за инкриминируемое деяние небольшой тяжести не может быть назначено наказание в виде лишения свободы лицу, не имеющему судимости, и при отсутствии отягчающих обстоятельств.

Н.Н.Каримов просит признать оспариваемые законоположения не соответствующими статьям 22 и 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют суду заочно избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении находящегося в межгосударственном или международном розыске подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, несмотря на невозможность последующего назначения ему наказания в виде лишения свободы из-за запрета, введенного частью первой статьи 56 УК Российской Федерации.

1.2. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 25 февраля 2026 года № 9-П признал не противоречащей Конституции Российской Федерации часть пятую статьи 108 УПК Российской Федерации, поскольку ее применение при избрании судом заключения под стражу при наличии установленных уголовно-процессуальным законом оснований для этого в отношении обвиняемого, объявленного в федеральный розыск (безотносительно к тому, был ли он также объявлен в международный или межгосударственный розыск), не влечет нарушения его конституционных прав в системе действующего правового регулирования, предусматривающего гарантии доведения, в том числе – в случае фактического помещения под стражу – личного и очного, обвиняемым до сведения суда своей позиции относительно наличия оснований для применения этой меры пресечения. Часть же четвертая статьи 210 данного Кодекса лишь констатирует, что заключение под стражу может быть избрано разыскиваемому обвиняемому в случаях, предусмотренных его статьей 108.

Следовательно, неопределенность в вопросе о конституционности части пятой статьи 108 и части четвертой статьи 210 УПК Российской Федерации отсутствует, а сами эти нормы не могут расцениваться в качестве нарушающих права Н.Н.Каримова обозначенным им образом. Тем самым его жалоба в части, касающейся проверки их конституционности, не является допустимой, и, соответственно, производство по настоящему делу в данной части подлежит прекращению (пункт 2 части первой статьи 43 и часть первая статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Таким образом, исходя из требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является пункт 2 части первой статьи 108 УПК Российской Федерации в той мере, в какой на его основании судом разрешается вопрос об избрании меры пресечения в виде

заключения под стражу в отношении скрывшегося от органов предварительного расследования или от суда подозреваемого или обвиняемого в преступлении небольшой тяжести, за совершение которого Уголовный кодекс Российской Федерации в силу правил назначения наказания и (или) санкции соответствующей статьи не предусматривает возможности назначения наказания в виде лишения свободы.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства. Права и свободы признаются и гарантируются на основе принципа равенства, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием. В свою очередь, законом охраняются права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, государство обязано обеспечивать им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Каждому гарантируется государственная и судебная защита его прав и свобод. При этом охраняемое государством достоинство личности и право на судебную защиту, равно как и другие права и свободы человека и гражданина, не подлежат отмене или умалению, но могут быть ограничены федеральным законом в конституционно значимых целях.

Из данных предписаний, содержащихся в статьях 1, 2, 17, 18, 19, 21, 45, 46, 52 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, в их системном единстве вытекает обязанность государства по принятию достаточных и эффективных мер, направленных на охрану правопорядка, на защиту прав и законных интересов граждан от преступных посягательств, на обеспечение неотвратимости уголовной ответственности путем публичного уголовного преследования лиц, подозреваемых и обвиняемых в преступлениях. В то же время государство не вправе оставить неисполненными возложенные на него Конституцией Российской Федерации обязанности по защите прав и свобод, в том числе оно не освобождается от необходимости гарантировать лицам, потерпевшим от преступлений, охрану их достоинства и обеспечить им доступ к правосудию

– выступающему гарантией в отношении всех иных конституционных прав и свобод – в разумный срок, как и компенсацию причиненного им ущерба.

В уголовном судопроизводстве выполнение возложенных на государство обязанностей предполагает и применение в определенных случаях мер принуждения, включая ограничивающие право на свободу и личную неприкосновенность, с тем чтобы обеспечить беспрепятственное производство по уголовному делу, отправлению правосудия и защиту прав участников процесса. При этом ограничения права на свободу и личную неприкосновенность допустимы только по судебному решению (до которого лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов) и лишь в том случае, если они отвечают требованиям справедливости, являются соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, включая особую конституционную ценность – право на судебную защиту (статьи 22 и 46; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Для реализации права на судебную защиту объективно нужен и установлен законом порядок осуществления правосудия, а противоправное воспрепятствование ему создает угрозу всем иным подлежащим судебной защите правам.

В этой связи возможность и соразмерность ограничения права на свободу и личную неприкосновенность по основаниям и на условиях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, подлежат оценке исходя не только из тяжести и характера – насильственного или ненасильственного – инкриминируемого деяния, сведений о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраста, состояния здоровья, семейного положения и, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, из наказания, которое в случае признания его виновным может быть назначено и может подлежать реальному отбытию с учетом институтов освобождения от наказания и смягчения наказания, из его поведения в период производства по уголовному делу (Постановление от 22 марта 2005 года № 4-П; Определение от 30 сентября 2025 года № 2561-О и др.), но и из особой конституционной ценности правосудия и его

значимости для защиты прав потерпевших от преступлений. И хотя по общему правилу не допускается заключение под стражу, если лицу не может быть назначено наказание в виде лишения свободы (Постановление от 18 июля 2022 года № 33-П; определения от 21 декабря 2000 года № 296-О и от 30 мая 2023 года № 1038-О), исключение из этого правила может быть оправдано в качестве особой и вынужденной меры, обусловленной препятствующим производству по уголовному делу противоправным поведением самого подозреваемого или обвиняемого, скрывающегося от правосудия.

Предусматривая основания и условия избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе в отношении скрывшегося от правосудия лица, законодатель обязан установить правовой механизм применения этой меры, отвечающий требованиям правовой определенности, а органы предварительного расследования и суды обязаны неукоснительно соблюдать его, с тем чтобы достигались названные выше конституционные цели и обеспечивались вытекающие из конституционных предписаний критерии необходимости, соразмерности и справедливости.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части первой статьи 108, изложенной в действующей редакции Федеральным законом от 28 февраля 2025 года № 13-ФЗ, устанавливает возможность избрать меру пресечения в виде заключения под стражу по общему правилу лишь при подозрении или обвинении лица в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления. Однако в той же части указаны исключительные случаи, когда эта мера пресечения может быть применена к подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления средней тяжести без применения насилия либо угрозы его применения или в совершении преступления небольшой тяжести. В силу пункта 2 части первой данной статьи это возможно, когда подозреваемый или обвиняемый в преступлении небольшой тяжести нарушил ранее избранную меру пресечения либо скрылся от органов предварительного расследования или

от суда. При этом преступлениями небольшой тяжести, согласно части второй статьи 15 УК Российской Федерации, признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, им предусмотренное, не превышает трех лет лишения свободы. В прежней же редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 28 февраля 2025 года № 13-ФЗ и примененной в деле Н.Н.Каримова, часть первая статьи 108 УПК Российской Федерации допускала избрание заключения под стражу лишь при подозрении или обвинении в преступлениях, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, а на срок до трех лет – в исключительных случаях, к которым относились в том числе случаи нарушения лицом ранее избранной меры пресечения или сокрытия лица от органов предварительного расследования или от суда.

Тем самым и в прежней, и в действующей редакции часть первая статьи 108 УПК Российской Федерации, ограничивая в качестве общего правила применение заключения под стражу к лицам, обвиняемым в совершении преступлений небольшой тяжести (законодательная оценка общественной опасности которых выражена в санкции, не превышающей трех лет лишения свободы), выступает элементом правового механизма, призванного обеспечить требования справедливости и соразмерности. Данный механизм направлен на то, чтобы характер процессуальной меры, применяемой к лицу, которое в силу презумпции невиновности считается невиновным, соответствовал тяжести уголовного наказания, могущего быть примененным к нему в случае признания его судом виновным в совершении преступления. Это согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлениях от 31 января 2011 года № 1-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 16 июля 2015 года № 23-П, от 22 марта 2018 года № 12-П и от 17 июня 2021 года № 29-П, и служит достижению баланса между защитой публичных интересов, присущих уголовному судопроизводству, и охраной права каждого на свободу и личную неприкосновенность.

В то же время вопрос о возможности избрания заключения под стражу скрывающемуся от правосудия лицу, подозреваемому или обвиняемому в преступлении небольшой тяжести, за которое санкция соответствующей статьи уголовного закона не предусматривает наказания в виде лишения свободы, разрешается судами на основании пункта 2 части первой статьи 108 УПК Российской Федерации неоднозначно. Буквальный смысл этой нормы не ограничивает возможность избрания заключения под стражу в отношении лица, нарушившего ранее избранную меру пресечения или скрывшегося от органов предварительного расследования или от суда, видом и тяжестью уголовного наказания, предусмотренного за инкриминируемое деяние, а также возможностью его назначения с учетом положений Общей части УК Российской Федерации. Принимая это во внимание, судья Верховного Суда Российской Федерации в деле Н.Н.Каримова указал, что оснований для изменения ему меры пресечения на более мягкую не имеется, с чем согласился и заместитель Председателя того же суда.

Вместе с тем сохраняют свою силу разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенные в постановлении «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». Согласно абзацу второму его пункта 1, введенному постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2025 года № 1, исходя из взаимосвязанных положений частей первой – второй статьи 108 УПК Российской Федерации избрание меры пресечения в виде заключения под стражу возможно в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении лишь такого преступления, за которое ему с учетом санкции соответствующей нормы Особенной части и положений Общей части (в частности, части первой статьи 56 и части шестой статьи 88) УК Российской Федерации может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

Эта позиция конкретизируется Верховным Судом Российской Федерации применительно к отдельным категориям дел. Так, подпунктом 5 пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 года № 43 пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» изложен в новой редакции: согласно его абзацу первому с учетом взаимосвязанных положений частей первой – второй статьи 108 УПК Российской Федерации в отношении подозреваемого или обвиняемого в преступлениях, предусмотренных, в частности, частью первой статьи 159¹, частью первой статьи 159², частью первой статьи 159⁵, статьей 185¹ и частью первой статьи 199³ УК Российской Федерации (относящихся к категории небольшой тяжести), мера пресечения в виде заключения под стражу избираться не может, поскольку санкции этих статей не предусматривают возможность назначения наказания в виде лишения свободы.

Следовательно, неопределенность, порождаемая пунктом 2 части первой статьи 108 УПК Российской Федерации, достигает конституционной значимости, поскольку в судебной практике он допускает противоположные подходы к разрешению вопроса об избрании заключения под стражу в отношении скрывшегося от органов предварительного расследования или от суда подозреваемого или обвиняемого в преступлении небольшой тяжести, затрагивая права, гарантированные в том числе статьями 22, 45, 46 и 52 Конституции Российской Федерации. Такая неопределенность нуждается в устранении посредством конституционного судопроизводства.

4. Из обязанности соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, из требования об осуществлении прав и свобод без нарушения прав и свобод других лиц, а также из права на защиту прав не запрещенными законом способами (статья 15, часть 2; статья 17, часть 3; статья 45, часть 2, Конституции Российской Федерации) следует, что использование и защита

подозреваемым или обвиняемым своих прав не означают возможность их реализации противоправными способами. Конституционный Суд Российской Федерации не раз указывал на недопустимость использования институтов судебной защиты в противоречии с основами российской правовой системы, вопреки общеправовым принципам добросовестности и недопущения злоупотребления правом, в частности когда притязания лица на применение к нему юридических средств, предоставленных правовым регулированием, основаны на их недобросовестном использовании в противоправных целях (постановления от 10 марта 2022 года № 10-П, от 30 октября 2023 года № 50-П, от 31 октября 2024 года № 49-П и др.).

Одной из форм поведения, препятствующего отправлению правосудия, является уклонение от следствия или от суда. В силу части третьей статьи 78 УК Российской Федерации такое уклонение приостанавливает течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Отдельная же его форма – побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи – прямо предусмотрена данным Кодексом в качестве самостоятельного преступления в статье 313. Этим подтверждается значимость оценки подобного поведения как противоправного, способного к тому же обладать степенью общественной опасности, достаточной для принятия мер уголовно-правового реагирования, что, в свою очередь, свидетельствует в пользу допустимости применения самых строгих мер процессуального принуждения уже на досудебной стадии к лицам, скрывающимся от правосудия.

Формой уклонения, не образующей самостоятельного преступления, но достаточной для избрания самой строгой меры пресечения, выступает сокрытие подозреваемого или обвиняемого от органов предварительного расследования или от суда (пункт 1 части первой статьи 97, подпункт «г» пункта 1 и пункт 2 части первой, пункт 3 части первой¹ статьи 108, пункт 2 части первой статьи 208, пункт 1 части первой статьи 238 и пункт 18 статьи 397 УПК Российской Федерации). Такое сокрытие предполагает не просто избегание контактов с правосудием (включая систематическую неявку по

вызову без уважительных причин), но совершение умышленных активных действий, направленных на то, чтобы сделать место своего нахождения неизвестным для правоохранительных органов, и, как правило, сопряжено с объявлением лица в розыск.

В контексте настоящего дела не может не приниматься во внимание и то, что подобное уклонение (сокрытие) на стадии исполнения уголовного наказания также признается в статье 314 УК Российской Федерации преступлением (уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера) или обуславливает в силу статей 50, 53 и 53¹ УК Российской Федерации замену наказания, не связанного с лишением свободы, на лишение свободы независимо от того, предусмотрено ли наказание в виде лишения свободы санкцией инкриминируемой статьи, не исключая и лиц, которым по общему правилу (часть первая статьи 56 данного Кодекса) лишение свободы не может быть назначено.

4.1. Обращаясь к вопросу о значении сокрытия обвиняемого от следствия или от суда, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что оно препятствует производству по уголовному делу, оставляет вопрос обвинения нерешенным, ограничивает право потерпевших от преступлений на доступ к правосудию, судебную защиту их прав в разумный срок и на возмещение причиненного им вреда. Нарушение процессуальных обязанностей и уклонение от правосудия – с учетом обязанности соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы – не может считаться правомерным поведением, способом реализации права на свободу и личную неприкосновенность. Скрывшемуся обвиняемому не должны создаваться – исходя из принципа равенства – неоправданные преимущества, ставящие его в привилегированное положение в сравнении с обвиняемыми, которые соблюдают процессуальные обязанности и не препятствуют производству по уголовному делу. Иное поощряет уклонение от контактов с органами предварительного расследования и судом, что противоречит назначению уголовного судопроизводства, ограничивает

государство в реализации его конституционной обязанности по защите прав и свобод, подрывает доверие к праву и правосудию. Само избрание скрывшемуся обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу в значительной степени является следствием этого его противоправного поведения (которое будет прекращено или пресечено лишь после его добровольной явки или задержания), а потому служит средством воспрепятствования дальнейшему его сокрытию и его передачи органу предварительного расследования или суду, в чьем производстве находится уголовное дело, выступает обеспечительной мерой установленного порядка производства по делу с участием обвиняемого. Отказ же от избрания заключения под стражу лишь из-за отсутствия скрывшегося обвиняемого ставит саму возможность разрешения судом этого вопроса в зависимость от противоправного поведения обвиняемого, которое одновременно формирует одно из оснований для избрания ему меры пресечения (Постановление от 25 февраля 2026 года № 9-П и Определение от 17 июля 2025 года № 1840-О).

К тому же нарушение подозреваемым или обвиняемым ранее избранной меры пресечения либо его сокрытие от органов предварительного расследования или от суда является не предположением, а фактическим, объективным и исключительным обстоятельством, которое свидетельствует о том, что применение более мягкой меры пресечения не позволило предотвратить действия, предпосылки которых послужили причиной ее избрания. Поскольку же из части первой статьи 97 УПК Российской Федерации следует, что мера пресечения может быть избрана при наличии любого (хотя бы одного) из предусмотренных ею оснований, установление факта сокрытия (пункт 1) делает излишним самостоятельное обоснование также и того, что подозреваемый или обвиняемый может продолжать заниматься преступной деятельностью (пункт 2) либо угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (пункт 3).

Лицо, нарушившее вытекающие из избранной ему меры пресечения обязательства или скрывшееся от следствия или от суда, не может не осознавать противоправность своего поведения, которым оно препятствует производству по уголовному делу, и свое злоупотребление правом. Исходя из характера своего поведения, оно должно предполагать, что может быть объявлено в розыск, задержано и заключено под стражу. Тем самым такое лицо сознательно обрекает себя на вызванные своим поведением ограничения, в том числе права на свободу и личную неприкосновенность.

С этим созвучна правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, по смыслу которой могут иметь место случаи, когда допустимо отступление от общего правила применения самых строгих мер пресечения, связанных с изоляцией от общества, лишь при нормативной возможности назначения лицу наказания в виде лишения свободы, если это отступление обусловлено такими обстоятельствами, в которых без использования данных мер задачи уголовного судопроизводства с высокой долей вероятности не будут выполнены. Именно такой исключительный случай представляет собой заключение под стражу подозреваемого или обвиняемого в преступлении небольшой тяжести, если он скрылся от органов предварительного расследования или от суда (Постановление от 22 марта 2018 года № 12-П). Если подсудимый уклоняется от явки в суд, гарантии права на доступ потерпевших к правосудию в разумный срок и права на возмещение причиненного преступлением вреда должны быть реализованы прежде всего путем розыска подсудимого и применения к нему мер процессуального принуждения, что одновременно позволяет не допустить продолжения им преступной деятельности, а значит, обеспечить защиту имеющих и потенциальных потерпевших от преступных посягательств, неотвратимость привлечения виновных к уголовной ответственности (Определение от 12 мая 2016 года № 1002-О).

Избрание скрывшемуся лицу меры пресечения в виде заключения под стражу в отступление от общего порядка и условий может выступать необходимой и вынужденной мерой процессуального реагирования,

обусловленной поведением самого этого лица, образующим самостоятельное правонарушение, которое препятствует правосудию и создает угрозу иным подлежащим судебной защите правам. Введение нормативных предписаний, определяющих адекватные меры в качестве оправданной реакции на злоупотребление правом, направлено на защиту публичных интересов, прав потерпевших и иных лиц, включая право на доступ к правосудию в разумный срок (статья 46, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации), и выполняет превентивную функцию, сдерживает противоправное поведение. Следовательно, само по себе сокрытие лица от органов предварительного расследования или от суда открывает в качестве исключения из общего правила возможность для избрания ему заключения под стражу, даже если Уголовный кодекс Российской Федерации в силу санкции соответствующей статьи и правил назначения наказания не предусматривает возможность назначения лишения свободы, что, согласуясь с целями, перечисленными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не нарушает принципы справедливости и соразмерности.

5. Наряду с иными средствами правовой защиты гарантией от произвольных ограничений свободы и личной неприкосновенности являются принятие решения о заключении под стражу именно судом и право требовать проверки законности и обоснованности такого решения в вышестоящих судебных инстанциях.

Из статьи 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которой арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, следует, что судебное решение об избрании такой меры пресечения, как заключение под стражу, может быть вынесено только при условии подтверждения достаточными данными оснований ее применения, с тем чтобы суд мог разрешить этот вопрос, основываясь на собственной оценке обстоятельств дела, а не только на аргументах, изложенных стороной обвинения. Суд принимает такое решение исходя из анализа всего комплекса обстоятельств,

названных в статьях 97, 99 и 108 УПК Российской Федерации, в том числе связанных с утверждением стороны обвинения о сокрытии подозреваемого или обвиняемого. Допуская рассмотрение судом ходатайства об избрании лицу заключения под стражу в отсутствие этого лица при невозможности обеспечить его участие в судебном заседании, закон не предполагает принятия судом решения по этому вопросу без исследования доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие оснований для применения такой меры процессуального принуждения, и не исключает права оспорить решение о ее избрании. Споря с таким решением, сторона защиты может представить доказательства того, что недоступность подозреваемого или обвиняемого для правоохранительных органов обусловлена другими причинами, нежели сокрытие от них (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2026 года № 9-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2012 года № 1815-О, от 27 сентября 2018 года № 2068-О и др.).

Иными словами, само по себе утверждение стороны обвинения о сокрытии подозреваемого или обвиняемого от органов предварительного расследования, а равно и объявление этого лица в розыск не освобождают суд от проверки обоснованности данного утверждения и решения об объявлении в розыск, а установление сокрытия этого лица не влечет автоматического избрания самой строгой меры пресечения.

С этим согласуется и буквальный смысл части первой статьи 108 УПК Российской Федерации, согласно пункту 2 которой в исключительных случаях мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести при наличии одного из обстоятельств, указанных в подпунктах «в» (им нарушена ранее избранная мера пресечения) и «г» (он скрылся от органов предварительного расследования или от суда) пункта 1 той же части. Использование в норме языковой конструкции «может быть избрана» подчеркивает, что такое избрание не является автоматическим. В частности, избранию этой меры

пресечения могут препятствовать такие предусмотренные данным Кодексом обстоятельства, как истечение сроков давности (часть третья статьи 97), выявление у лица тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей (часть вторая¹ статьи 108 и часть первая¹ статьи 110), отнесение подозреваемого или обвиняемого к числу лиц, указанных в части второй статьи 108 данного Кодекса, в отношении которых случаи применения самой строгой меры пресечения дополнительно ограничены (несовершеннолетний, беременная женщина либо женщина, имеющая малолетнего ребенка, и др.), неподтверждение в судебном заседании обоснованности подозрения в причастности лица к преступлению (пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»).

Оценивая соразмерность заочного избрания заключения под стражу лицу, объявленному в розыск, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 25 февраля 2026 года № 9-П пришел к выводу, что в рамках существующих уголовно-процессуальных институтов обеспечивается надлежащий баланс достаточных и эффективных мер, направленных на охрану правопорядка и решение задач уголовного судопроизводства, с одной стороны, и обеспечение гарантий права подозреваемого или обвиняемого на личное и очное – в случае фактического помещения под стражу – доведение до суда своей позиции по вопросу о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, с другой стороны.

5.1. Гарантии от произвольного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность не исчерпываются судебным контролем над избранием и применением заключения под стражу. Действенность судебной защиты предполагает и наличие компенсаторных механизмов, позволяющих лицу, к которому была применена эта мера, добиться восстановления своих

прав, в том числе посредством зачета срока содержания под стражей в наказание либо путем возмещения причиненного вреда.

Пункт 2 части первой статьи 108 УПК Российской Федерации применяется в системном единстве с частью пятой статьи 72 УК Российской Федерации. Согласно данной уголовно-правовой норме при назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, основного наказания в виде штрафа либо лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает от его отбывания.

Конституционный Суд Российской Федерации указал на наличие в законодательстве механизмов возмещения вреда, причиненного неправомерным содержанием под стражей (Постановление от 16 июля 2015 года № 23-П). Так, в случае назначения наказания, несопоставимого с ограничениями, связанными с этой мерой пресечения, суд в приговоре может признать его право на возмещение вреда в порядке главы 18 УПК Российской Федерации (части третья и пятая статьи 133 данного Кодекса, пункты 4 и 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»). Нормы названной главы не исключают принятия судом решения о возмещении вреда, причиненного незаконным применением к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу и в случаях, когда органом предварительного расследования или судом не принято решение о полной реабилитации подозреваемого или обвиняемого (определения от 21 апреля 2005 года № 242-О, от 18 января 2011 года № 47-О-О, от 17 ноября 2011 года № 1583-О-О).

Развивая эту правовую позицию, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24 апреля 2026 года № 27-П пришел к выводу, по смыслу которого право на возмещение вреда, причиненного

применением мер процессуального принуждения (к каковым относится и заключение под стражу), не ставится в безусловную зависимость от наличия права на реабилитацию и может быть реализовано даже при вынесении обвинительного приговора, если судом будет установлена незаконность или необоснованность самой меры принуждения. Содержательная же оценка правомерности меры принуждения предполагает установление того, была ли она необходимой и разумной (или, наоборот, напрасной) в конкретных обстоятельствах, послуживших основанием для ее применения.

Тем самым действующее правовое регулирование предусматривает как зачет срока содержания под стражей в итоговое наказание, так и возможность возмещения вреда, причиненного незаконным применением этой меры пресечения, что в совокупности с превентивными гарантиями судебного контроля образует систему защиты права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве.

6. Таким образом, пункт 2 части первой статьи 108 УПК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку предусмотренная им мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении скрывшегося от органов предварительного расследования или от суда подозреваемого или обвиняемого в преступлении небольшой тяжести – за совершение которого Уголовный кодекс Российской Федерации в силу правил назначения наказания и (или) санкции соответствующей статьи не предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы – может быть избрана судом в качестве необходимой и вынужденной меры, обусловленной противоправным поведением самого подозреваемого или обвиняемого.

При этом в системе действующего правового регулирования такое лицо наделено достаточными гарантиями от произвольного или несоразмерного грозящему наказанию содержания под стражей, которыми Н.Н.Каримов вправе воспользоваться. Принимая во внимание обстоятельства, изложенные в пункте 1.1 настоящего Постановления,

Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 10¹ части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает нужным указать, что в связи с принятием настоящего Постановления дело Н.Н.Каримова пересмотру не подлежит, а также отсутствуют основания для применения к нему компенсаторных механизмов.

Выраженные в настоящем Постановлении правовые позиции сами по себе не расширяют возможность применения меры пресечения в виде заключения под стражу к несовершеннолетнему, беременной женщине, женщине, имеющей малолетнего ребенка, мужчине, являющемуся единственным родителем малолетнего ребенка, усыновителю или опекуну малолетнего ребенка, единственному родителю, усыновителю, опекуну или попечителю ребенка-инвалида, установленной частью второй статьи 108 УПК Российской Федерации.

Федеральный законодатель вправе с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, внести изменения в действующее правовое регулирование, направленные как на совершенствование мер правового противодействия препятствующему правосудию сокрытию от дознания, предварительного следствия или от суда, так и на дальнейшее развитие гарантий, обеспечивающих соразмерность содержания под стражей возможному наказанию, в том числе на уточнение механизма зачета срока содержания под стражей при назначении наказания, не связанного с лишением свободы.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 2 части первой статьи 108 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку предусмотренная им мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении скрывшегося от органов предварительного расследования или от суда подозреваемого или обвиняемого в преступлении небольшой тяжести – за совершение которого Уголовный кодекс Российской Федерации в силу правил назначения наказания и (или) санкции соответствующей статьи не предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы – может быть избрана судом в качестве необходимой и вынужденной меры, обусловленной противоправным поведением самого подозреваемого или обвиняемого.

Придание пункту 2 части первой статьи 108 УПК Российской Федерации иного смысла в системе действующего правового регулирования означало бы расхождение с требованиями справедливого правосудия, обеспечения защиты публичных интересов, прав потерпевших и иных лиц, включая право на доступ к правосудию в разумный срок, и вступало бы в противоречие со статьями 15 (часть 2), 17 (часть 3), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации.

2. Конституционно-правовой смысл пункта 2 части первой статьи 108 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности части пятой статьи 108 и части четвертой статьи 210 УПК Российской Федерации.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 44-П

Конституционный Суд
Российской Федерации